

В первую очередь Ганс Христиан Андерсен был известен как знаменитый писатель детских сказок.

Во вторую очередь, для узкого круга своих знакомых и несчастных людей, которым не повезло общаться с автором в жизни - как склочный, мелочный, желчный и несчастливый человек.

Но в первую очередь все же Андерсен был писателем сказок.

Его сказки не были счастливыми в полном смысле этого слова, но в конце концов, пройдя через боль, через испытания и всю горечь этого мира - его героев ждал "счастливый финал". Настолько счастливый, насколько сам Андерсен его считал приемлемым.

Из этого следовало два факта, что были важны для самого Андерсена.

Первое - он не принимал ни в коем случае счастливого финала для героя, что не заслужил этот счастливый финал.

И второе - если герой заслуживал свой счастливый финал - Андерсен не был согласен его отобрать.

И Доктор Джекилл выстрадал свой счастливый финал.

Наивный мальчишка, возрадованный самой возможностью оказаться на острие сражения с великим злом человечества - тот поступил глупо, бросившись в сражение с противником, что был ему неизвестен.

Аинз не имел планов для доктора Джекилла - поэтому Аинз не был особенно озабочен помощью своему вероятному союзнику, отделавшись от того лишь несколькими общими заклятиями и не планируя спасти того в случае попадания в западню.

Лирический герой пережил пренебрежение, предательство и презрение.

Шекспир был неуязвим для сил Джекилла, что были столь смехотворны в сражении Слуг.

Лирический герой пережил неожиданное и непоправимое поражение.

Шекспир поймал Джекилла в ловушку и заточил того в темницу ужасов и ненависти, в пыточную камеру, где изуродовал его разум, нанеся непоправимую травму и страшную рану его психике.

Лирический герой проиграл, опустившись на самое дно и опустив свои руки в борьбе, оставшись один на один со своим непобедимым противником.

Этого было, пожалуй, достаточно для Андерсена.

Мерхен Майнес Либенс. Благородный Фантазм Андерсена. Ведь, в первую очередь он был прославлен как писатель.

Там, где великие трагедии Шекспира опирались на уже существующие труды его предшественников - Ганс Христиан Андерсен творил новое. Там, где Шекспир использовал прошлое в качестве своего клинка - Андерсен прорубал новый путь.

Благородный Фантазм Андерсена можно было назвать великим. Ведь он позволял переписывать реальность.

Переписать неудачные строки, выводя закономерный итог чужих действий - разве не в этом была сила писателя? Окуная перо в чернильницу - раз за разом выводить новые и новые строки чужих приключений, создавая новую историю и выписывая новые подробности жизни своего персонажа.

Андерсен мог описать любую судьбу своему герою. Новые силы и непредсказуемый финал, невероятные движения и головокружительную победу - ему достаточно было лишь начать новую строку в своей книге, описывая победу своего героя.

Однако, во вторую очередь, Андерсен был известен как мелочный, желчный, несчастный человек. И его Благородный Фантазм, сублимация его легенды, отражала и эту его суть.

Ведь в сказках Андерсена не было места простому "счастливому финалу", как не было места и нелогичному ходу. Каждый герой должен был заслужить свой счастливый финал - и получал лишь тот финал, который он заслуживал.

И потому Андерсен не действовал.

Что он мог написать об Аинзе, что и без того не испытывал никаких проблем? Как он мог помочь Да Винчи, великой и непобедимой ученой? Разве нужен был счастливый финал Медузе Горгоне, что уже достигла своего счастья?

Однако Доктор Джекилл прошел через столько несчастий - столкнувшись со столькими невзгодами, столь многими испытаниями...

И поэтому, взяв в руки перо и книгу - Андерсен написал свою книгу.

"Смерть Доктора Джекилла и Ненависть Мистера Хайда".

Ведь Доктор Джекилл, столкнувшись с Шекспиром, не мог выжить, Андерсен знал и принимал это.

Однако он мог переписывать реальность, словно бы книгу, сочиняя еще одну сказку.

И в этот раз в его сказке созданный несчастливый счастливый финал касался Доктора Джекилла, Мистера Хайда, Шекспира, Андерсена, происходящего сражения и покрытого смогом Лондона девятнадцатого века.

И потому, когда Шекспир - с ужасом, с ненавистью, взглянул на Андерсена - все уже было кончено.

Ведь Андерсен не пытался отменить ужасов, через которые прошел Доктор Джекилл. Он лишь дописал несколько строк - финал, которого Доктор Джекилл заслуживал.

И Андерсен ухмыльнулся, когда Шекспир, пылая ненавистью, бросил последний взгляд на него.

Но гораздо больше Андерсен ухмыльнулся услышав голос Доктора Джекилла,- Опасные игры.

А далее Андерсен предоставлял истории возможность идти своим чередом.

\*\*\*

Благородный Фантазм Парацельса был весьма интересен в своей структуре.

Глядя в первом приближении, в нем не было ничего особенного.

Квинтэссенция магических изысканий Парацельса, безумного искателя Истинного Эфира, его клинок был способен на краткое мгновение объединить четыре подвластные ему стихии для того, чтобы создать на долю мгновения его недостижимый Магнум Опус - Истинный Эфир.

Последствия же подобного созидания были весьма просты - и весьма разрушительны.

Истинный Эфир, квинтэссенция магической мысли, сама воплощенная чистая магия устремленная в едином разрушительном потоке.

Многие ученые бы отдали руку за право лишь взглянуть на подобное чудо - но для человека менее заинтересованного магической теорией результат действия способности Парацельса был пусть и страшен - но все же прост.

Разрушения. Огромный удар чистой магии, вырвавшейся на волю.

Это было, безусловно, величественно - но даже несколько разочаровывающе просто для столь великого ученого.

Однако Да Винчи, безусловно, знала о том, что меч Парацельса представлял из себя не "врата чистой магии". Он представлял из себя "объединенную магическую теорию" Парацельса.

На своем пути к истинному эфиру Парацельс создал тысячу трудов и провел тысячу исследований, не уступая в том Да Винчи.

Однако если Да Винчи всегда двигала лишь неумная жажда знаний - Парацельса вперед вела лишь его цель.

Ради истинного эфира тот изучил тысячи книг и написал сотни работ - и его Благородный Фантазм воспринял его легенду.

Потому, что Парацельс прошел через тысячу мыслей, сотню теорий - продвигаясь сквозь все преграды, анализируя все данные, создавая его Великое Деяние.

И потому удар чистой магии Парацельса был лишь меньшей частью его способностей, как истинный эфир был лишь верхушкой его научного пути. Пути, что был создан из сотен научных работ.

И потому его атака, хотя и была сильна, в своей основе имела совершенно иную способность.

Бескрайний совершенный анализ, вычленение значимых моментов, изменение теории и мгновенная подстройка эксперимента под новые условия.

Иными словами - его атака могла проанализировать все, с чем она соприкасалась - передавала полученную информацию Парацельсу - после чего мгновенно изменяла свои свойства, подстраиваясь согласно разумению Парацельса, обретая новую форму и новые силы.

В огонь против льда, в стилет против бреши, в безумие против разума.

Фантазм Парацельса отражал ту его сторону, что не была забыта и сотни лет спустя. Его труд ученого. Его великий путь к его невероятному финалу.

Потому Парацельс чувствовал себя столь неуютно, сражаясь с Да Винчи - его Благородный

Фантазм представлял из себя лишь меньшую копию Благородного Фантазма Да Винчи - и потому Парацельс был так удивлен действию Да Винчи.

Да Винчи могла в мгновение ока создать десятки, сотни защит. Этого было бы достаточно, чтобы сдержать невероятный удар огненного смерча противника или огромной молнии под контролем врага. Навыки Да Винчи могли сделать ее неуязвимой мгновенно перед лицом даже самых невероятных чудес на службе Слуг.

Однако Фантазм Парацельса был создан для разрушения любых защит. Будь это навыки или заклятия - никакой щит не мог спасти от Фантазма, что был создан для разрушения щитов.

И Парацельс не видел никакого способа для Да Винчи победить в этом столкновении иначе, нежели просто пересилить способность Фантазма Парацельса, воспользовавшись тем фактом, что сама Да Винчи обладала даже более невероятной способностью, нежели Фантазм Парацельса.

Однако даже если Парацельс и был удивлен - его атака не остановилась.

Изменяясь, подстраиваясь под навыки, разрушая щиты заклятий созданных Да Винчи на пути его атаки - истинный эфир Парацельса врезался в тело Да Винчи, предвкушая победу...

Прежде чем замереть.

Тело Да Винчи окружала магия. Не магия Да Винчи. Совершенно иная магия. Совершенно иные принципы создания заклятий. Совершенно чужеродная сила и энергия.

Парацельс не видел подобной магии никогда в своей жизни.

А Парацельс был посвящен в секреты всей существующей магии.

Однако, столкнувшись с неизведанным, Парацельс растерялся.

Он никогда ранее не видел подобной магии. Не знал, как стоило к ней подступить. Стоило ли ему атаковать эту часть заклятия - или эту? Было это защитой от огня или ото льда? Мог ли он перегрузить подобную магию - или ему необходимо было проделать брешь в защите противника?

Парацельс замер на мгновение. Мгновение, которого хватило Да Винчи.

-Если тебе интересно - так выглядят защитные заклятия Аинза,- Да Винчи оказалась рядом спустя мгновение,- Я буду очень рада, если ты присоединишься к Халдее. Я провела бессонные недели, пытаюсь их расшифровать!

Магия Парацельса была с все той же силой - но та, оставшись без управления, без знания о том, какую защиту ей предстояло вскрыть на этот раз - была столь неэффективна...

Парацельс ударил изо всех сил - но чужеродная магия Аинза, личного врага его Мастера, выдержала напор.

Парацельс понимал, что он проиграл. Его главный козырь, его Благородный Фантазм оказался бесполезен - просто потому, что ему не повезло столкнуться с тем, что он не понимал.

Однако...

-Я буду считать это своей победой,- Парацельс улыбнулся, глядя на Да Винчи, что игнорировала даже силу его Благородного Фантазма. Нет, не игнорировала, бестелесная сила эфира все равно наносила свой удар - но столь ужасающе недостаточный...- Двое на одного, хм... Только так легендарная Да Винчи смогла меня победить.

-Конечно,- Да Винчи улыбнулась,- Признаю свое поражение.

Спустя мгновение удар руки Да Винчи отсек голову Парацельса от тела, позволяя уже погибшему Слуге опасть на землю.

-Прости, но я должна была так поступить,- Да Винчи улыбнулась грустно, глядя на быстро исчезающее тело Парацельса.

Возможно, она действительно бы предпочла честный бой, но... Увы, в текущих условиях - Да Винчи не могла позволить себе тратить свои козыри на Парацельса, а не на Короля Королей.

Спустя еще мгновение, отступая от погибшего, Да Винчи бросилась прочь.

\*\*\*

Встретишь Будду - убей Будду!

Огонь Нобунаги разгорелся с невероятной силой.

Встретишь патриарха - убей патриарха!

Возносящийся до небес столп пламени столкнулся с грозой Ронгоминияда.

Встретишь архата - убей архата!

Словно бы призывный вой из сотен голосов раздался спустя мгновение и Нобунага ощутила, как за ее спиной возникает символ Истинного Короля Демонов.

Встретишь родителей - убей родителей!

Поднимающийся словно бы из пепла, из самого пламени костяной гигант навис над Нобунагой, окутывая ту своей костяной фигурой.

Встретишь родственников - убей родственников!

Словно бы из ниоткуда возникающие ружья покрывали собой все небо, затмевая собой черный облака, созданный Арторией Альтер.

Только так вы освободитесь от уз!

И каждое из тысяч ружей ударило мгновение спустя.

Ода Нобунага, Авенджер. Тысячи тысяч историй отвергнутого Короля, убийцы всего божественного и врага рода людского.

"Больше, больше!"

Неслышимый марш тысяч армий тысяч нереализованных историй, доносящийся сквозь миры.

"Сражайтесь! Я желаю видеть как вы сражаетесь!"

Ода Нобунага, совершенное порождение тысяч нереализованных историй. Истинный Король Демонов, что превзошла понятие врага.

"Сражайтесь и умирайте! Горите! Горите! Горите!"

Тысяча историй о покорителе мира. Тысяча несуществующий историй о гибели всей цивилизации. Тысяча армий, захвативших мир.

"Докажите мне, что вы достойны быть реальными! Докажите мне, что моя смерть была заслужена! Сражайтесь со мной до последней капли крови! Сражайтесь, сражайтесь, сражайтесь!"

Ода Нобунага созданная из тысяч историй отрицала саму идею возможного.

"Чудо? Нет в мире чуда, что я не завоевала!"

Завоевав тысячу миров, уничтожив тысячу храмов, убив тысячу героев, Ода Нобунага втоптала в грязь саму идею магии.

"Герои? Нет в мире героев, что я не убила!"

Тысячи историй, в которых ничто не смогло противостоять легендарному полководцу. Тысячи миров, которых не спасла магия от всеразрушающей мози покорительницы.

"Цели? Нет в мире целей, что я не поразила из своего ружья!"

Тысячи легенд сплетались в единую в Оде Нобунаге, покорительнице мира.

Фантазм-идея.

Что, если бы Ода Нобунага была реальна?

Что, если бы Ода Нобунага покорила мир?

Что, если бы Ода Нобунага смогла уничтожить магию?

Этот Благородный Фантазм представлял из себя лишь жалкую часть своей реальной мощи, но этого было достаточно.

"Мы не приемлем богов - ибо бог наш - артиллерия! Мы не приемлем молитв - ибо молитвы наши - приказы! Мы не приемлем подношений - ибо подношения наши - тела солдат! Вперед, армия, настало время втоптать чудеса в грязь!"

Лишь на мгновения Ода Нобунага воплощала в реальность эту историю. Историю о своей победе. Историю о своем величии. Историю о своем завоевании.

Историю, что отрицала саму возможность чуда.

Огонь, что поднимался от земли был огнем, которым Ода Нобунага выжгла магию из завоеванных миров. Громада скелета была сотней тел, что оставила после своей войны Ода Нобунага.

Ибо Ода Нобунага уничтожила чудо тысячи миров - что стоило ей уничтожить чудо еще одного?

Это был Фантазм самого жуткого для любого Слуги, для любого мага действия.

Фантазм класса Анти-таинство.

Таинство, что поддерживало существование самой магии, самих Слуг, самих Благородных Фантазмов. Фантазм, что по своей сути разрушал саму возможность существования любого чуда, любой силы, любого Героя.

Анти-Фантазм.

И копье, Ронгоминияд, башня, что объединяла магию и человеческое - и огонь, Папияс, Истинный Король Демонов, что навсегда разделял эти понятия.

История о конце легенды - и путь, что отрицал саму возможность легенды.

И великое копье грозы столкнулось с великим огнем разрушения.

И Нобунага улыбнулась, глядя в холодные глаза Артории.

Теперь никто не мог сказать, что она была слаба.

\*\*\*

Согласно Теогонии Гесиода именно Медуза Горгона была первой породительницей монстров в мифологии Греции, а не Ехидна.

Из тела ее появился Пегас и Крисаор. Ее пролившаяся в песок кровь превратилась в аспидов, амфисбен и василисков. Ее пролившаяся в воду кровь стала кораллами.

Кровь из ее тела была взята Асклепием - часть той крови несла смерть, часть могла спасти любого больного.

Иными словами, Медуза Горгона была первой, самой ранней из подобных "матерей чудовищ".

Последний и самый сильный Благородный Фантазм Медузы Горгоны отражал эту, последнюю часть ее легенды.

"И кровь пролилась..." - потому, что по легенде множество созданных Медузой монстров появились именно от того.

И потому, срываясь вниз каплями крови с рук Медузы - капли крови превращались на лету в бесформенное месиво чешуи, клыков, глаз - прежде чем, достигнув земли, обрести единую форму.

Поднявшееся спустя мгновение существо было лишь отдаленно похоже на человека - трехметровая гротескная пародия человеческой формы. На месте глаз у того присутствовали лишь два подобных изуродованным маленьким очкам стекла. Рот того был искажен, обнажая множество мелких острых зубов, уходивших рядами внутрь глотки. Вместо левой ладони его рука оканчивалась лишь узким длинным клинком, мерцающим в такт сердцебиению существа - а правая ладонь вместо пальцев имела лишь хлесткие щупальца, извивающиеся ежесекундно.

Единственное, что хоть сколько либо могло быть подобно человеческой фигуре в теле существа были его ноги - но покрытые, как и все тело, множеством переплетающихся между собой чешуек, эти мелочные части не могли позволить наблюдателю спутать существо с чем-либо даже отдаленно человеческим.

Бармаглот, зверь Алисы, бросился спустя мгновение вперед - прежде чем понимание заставило Алису впервые за весь бой испытать настоящую эмоцию. Удивление. Страх,- Стой!

Бармаглот, словно бы осознав опасность существа, появившегося перед ним - столь слабого и незначительного на первый взгляд - осознал ошибку слишком поздно, в момент, когда неизвестное существо перевело взгляд своих фальшивых глаз - и в единое слитное движение рассек громаду Бармаглота единым ударом.

Алиса замерла, глядя на произошедшее, глядя на клинок, которым оканчивалась рука призванного, нет, созданного существа.

Вострый меч. Клинок, которого нет.

Именно им оканчивалась рука созданного чудовища Медузы.

Медуза улыбнулась, глядя на свою противницу. Этот Благородный Фантазм действительно был удивительно силен.

Спустя еще мгновение, не позволяя даже столь бесславно погибшему Бармаглоту упасть, созданный монстр бросился вперед.

Спустя еще мгновение Алиса исчезла - используя свои силы та мгновенно исчезла не просто в своем виде, но и из мира.

Отбрасывая одну из сотен своих форм бестелесный бог книг отбросил саму свою уязвимость - но монстр Медузы не обращал внимания на подобные действия.

Его уродливые очки, служившие заменой глазам, видели на ином уровне восприятия - поэтому ему не было нужды видеть тело Алисы для того, чтобы видеть Слугу Детский Стишок.

Спустя еще мгновение егодвигающиеся до того хаотично щупальца изменились, после чего, нарушая законы физики и биологии, устремились вперед, цепляясь за воздух там, где еще недавно находилась Алиса, опутывая зияющее ничто, словно бы захватывая свою жертву.

Алиса могла отбросить любую форму, обретая неуязвимость - поэтому созданное существо придало Алисе форму, что можно было победить насильно.

Спустя еще мгновение, словно бы осознавая, в какой ловушке она оказалась, Алиса использовала все возможности своей формы.

Возникшие из ниоткуда копыта перемежались с потоками чистой магии, всполохи огня с огнем оружия, смешиваясь в едином урагане чистой мощи, пока бестелесный бог вспоминал каждую ассоциацию, каждую форму энергии, что была описана в сотнях и тысячах книг, что дали ему рождение.

Удары и заклятия лишь бессильно скользили по защищенной коже существа, соприкасаясь с ней и исчезая бесследно. Поскольку созданное существо, созданный монстр был нужен именно для того, чтобы игнорировать каждую книжную силу, каждую способность, что могла



использовать Алиса.

Спустя еще мгновение чудовище Медузы оказалось рядом с Алисой - с насильной формой, что была ей придана - и раскрыл пасть.

Уходя вглубь утробы сотнями рядов зубов его зев казался бесконечным, словно бы растягивающимся сам собой - прежде чем, спустя мгновение, сомкнуться, пожирая форму Алисы.

И замереть, мгновенно каменея, исполнив свою цель.

Медуза улыбнулась в последний раз.

Ее глаза действительно служили в первую очередь в качестве подготовки к этой способности, точно также как Крисаор был создан лишь для того, чтобы сделать ее неминуемый удар как можно более смертоносным.

В чем заключалась способность ее Благородного Фантазма?

В создании идеального монстра, убийцы героя.

Наблюдая за способностями, за движениями, за действиями своего противника Медуза изучала того лишь для последующего удара.

Создаваемый ее Благородным Фантазмом монстр создавался в качестве идеального противника. Защищенный от атак героя, игнорирующий его способности, превосходящий его защиту, убежденный от его ловушек, недоступный для его разума и невидимый для его глаза.

Медуза, изучая любую способность не могла скопировать ту - но могла подобрать совершенное оружие против нее.

Медуза могла создать против Теслы существо неуязвимое к электричеству. Против Да Винчи - бесконечно изменяющееся безумное создание, что игнорировало любой план, принимая всегда самое алогичное из решений. Против Артурии - неуязвимый для клинков и прямой всесокрушающей мощи Экскалибура эфемерный монстр. Против Аинза...

Кхм, Медуза была вынуждена констатировать, что против Аинза, скорее всего, она не могла создать достаточно могущественного противника. Защищенного от магии? Пожалуй, но Аинз до того неплохо расправлялся с существами, чья защита от магии была действительно велика - и у того не возникало с подобными противниками никаких проблем...

Впрочем, конечно же Медуза даже не допускала мысли о том, чтобы сражаться с Аинзом - во-первых она была верна, во-вторых умна, а в третьих влюблена.

Однако Алиса, хм...

Существо, что игнорировало бестелесную форму, ибо видело Алису не зрением, а восприятием. Что могло дать Алисе форму, что та не могла отбросить, избавившись от своей уязвимости. Что могло удержать ту. Что могло убить Бармаглота, неуязвимого монстра. Что могло выдержать натиск Алисы...

Пожалуй, главной из возможных проблем была возможность Алисы возвращаться раз за разом после своей победы к началу сражения. Поэтому созданный монстр не пронзил данную Алисе

форму, а поглотил ту, мгновенно окаменев.

Глотка, переходящая в бездонный живот существа не убивала и не причиняла никакого урона, как бы ужасающе та не выглядела. Это была лишь тюрьма, цепь, что поглотила Алису. Тюрьма, в которой не существовало времени.

Ведь Алиса не могла вернуть время вспять - если не существовало того, что можно было возвращать. Алиса оказалась скована, проглочена, помещена в бесконечную вневременную тюрьму.

К сожалению, Медуза с неудовольствием могла признать, что ее способности, хотя и были велики, все же были не бесконечны. Даже ей было не под силу столь просто уничтожить Слугу подобного Алисе. Однако, сковать и запереть? Медуза могла сказать, что это было ей под силу.

И потому замершая каменная статуя существа продолжила стоять на своем месте, заставив Медузу кивнуть и броситься дальше, на помощь к другим Слугам.

В конце концов, она должна была победить в сражении - и Медуза легко могла счесть подобное решение проблемы победой.

\*\*\*

Отрывок из публицистической литературы: "Менее известная жизнь Гая Юлия Цезаря":

...Фигура Гая Юлия Цезаря, безусловно, обласкана народной молвой - любимый прижизненно и посмертно Цезарь оставался во все времена словно бы нерушимым символом Римской Империи, обожествленным Императором, одно упоминание которого часто служило обоснованием права Императоров на правление. Так широко известно, что во времена своего правления Калигула утверждал, что видения Цезаря помогают тому в правлении, удерживая от необдуманных решений (что весьма иронично, учитывая, сколькими необдуманными решениями запомнилось правление Калигулы), а император Нерон во время одного из заседаний сената объявил дух Цезаря своим личным советником, утверждая, что тот, будучи обожествленным потомком Ромула и Марса способен даровать Нерону свои советы даже спустя века. Именно благодаря этому факту Цезарь оказался столь невозлюблен христианами времен Римской Империи - из-за жестоких гонений императора Нерона, производимых якобы по совету духа Цезаря, ранние христиане, чьи верования были смешаны с языческими верованиями того времени, соотнесли Цезаря, а после и его легендарного покровителя Ромула, и даже в свое время Аттилу, вождя гуннов, с демонами-приспешниками в услужении Баала - хотя, безусловно, в данное время эта трактовка забыта и Цезарь не был официально осужден христианской церковью, в отличии от долгой череды его преемников...

<http://tl.rulate.ru/book/74423/2450348>